

Убийство Троцкого

<Фрагменты>

Конрад Гейден в своей биографии Гитлера рассказывает:

«Однажды фюрер за столом в тесном кругу спросил:

— Читали ли вы “Воспоминания” Троцкого?

Послышались ответы:

— Да! Отвратительная книга! Это мемуары сатаны!

— Отвратительная? — переспросил Гитлер. — Блестящая книга! Какая у него голова! Я многому у него научился...»¹

Мне приходилось, особенно в иностранной литературе и печати, читать сходные отзывы о Троцком, исходящие от людей, которые тоже никак не могут быть причислены к его политическим или личным друзьям. Уинстон Черчилль в своей книге «Great Contemporaries»² пишет о нем как о злодее, но о злодее титанического размера. «Троцкий, — пишет нынешний глава британского правительства, — соединял в себе организаторский дар Карно, холодный ум Макиавелли, жестокость Джека-потрошителя. Как раковая опухоль, он рос, он терзал, он убивал, выполняя требования своей природы... Он поднял бедных против богатых. Он поднял нищих против бедных. Он поднял преступников против нищих... Как вождь русской армии, которую он воссоздал в бесконечно трудных и опасных условиях, Троцкий был близок к незанятому трону Романовых... В 1922 году военные люди так высоко ценили его личные заслуги и систему, что армия могла легко провозгласить его диктатором, если бы не одно роковое препятствие: он был еврей, он все-таки был еврей, и этого ничто изменить не могло».

Тут все очень преувеличено: и до «трона Романовых» Троцкому было далеко (этот трон здесь даже вообще ни при чем), и военные люди отнюдь не так его ценили, и провозгласить диктатором они в 1922 году никак никого не могли, и еврейское происхождение Троцкого тогда чрезмерного значения не имело: ведь свергла его коалиция, в которую входили один грузин (Сталин) и два еврея (Каменев и Зиновьев). Отзывы Гитлера и Черчилля я привожу лишь в доказательство того, как высоко расценивались врагами его дарования.

О расценке со стороны поклонников и говорить не приходится: «величайший оратор», «великий публицист», «великий организатор» и т. д. По-настоящему вне спора находится только

ораторский талант Троцкого. В его призвании, кажется, сходятся все писавшие о нем и почти все его слышавшие. Приведу лишь один отзыв — отзыв человека, совершенно постороннего и врагам, и поклонникам, и делу: В. В. Розанова. «Русский Паскаль», как кто-то его назвал (какое, кстати будь сказано, нелепое преувеличение!), в 1906 году посетил залу суда, где шел процесс Совета рабочих депутатов, вождями которого, как известно, были Хрусталиев-Носарь и молодой Троцкий (тогда обычно пользовавшийся псевдонимом Яновского). По-видимому, Розанов о Троцком до того никогда ничего не слышал. Больших симпатий к «рабочим депутатам» у него не было. Но в статье его о процессе есть такая фраза: «Встал и сказал несколько слов Троцкий (псевдоним). Это еврей, по происхождению крестьянин Херсонской губернии. В то время, как Носарь что-то глухо и незаметно, невпечатлительно ни для кого говорил, Троцкий произнес всего несколько слов, но он именно произнес, а не проговорил их... Ораторы совершенно так же рождаются», как и поэты. Троцкий разрисовал свои «немногие слова, точно размазал их по вниманию слушателей. И в то время, как все и весь суд точно что-то шептал и шептался, этот наполнил небольшую залу звуками, которые были слышны в последнем уголке...»³.

<...>

Надо отдать должное выдержке Троцкого: постоянно ожидая смерти, он продолжал делать свое дело и работал очень много. Работник он был превосходный. Появляющиеся по сей день посмертные его труды свидетельствуют, что он за всем следил, читал и новые политические книги, и даже новые романы — по-видимому, трудился целый день. В эмиграции он был вообще в личном отношении на должной высоте. В СССР у него бывали постыдные отречения. Не столь постыдные, как те, что были в показаниях подсудимых на московских процессах, но все же такие, о которых он вспоминать не любил: он сам, например, дал Максиму Истману сведения о завещании Ленина с тем, чтобы Истман эти сведения (очень ему, Троцкому, выгодные) за границей опубликовал — и затем он же, под давлением Сталина, заявил, что Истман все выдумал, что никакого «завещания Ленина» в природе нет⁴.

Последние годы его бурной жизни прошли в кругу малоизвестных, в большинстве, кажется, очень молодых людей. Думаю, что он мучительно скучал. Власть особенно опьяняет тех людей,

которым она досталась случайно и более или менее неожиданно для них самих. От вершин власти Троцкий перешел к маленьким эмигрантским делам, к поискам заработка, к газетным статьям, к созданию собственных журнальчиков, к агитационной работе. Конечно, таковы были его нормальные занятия до революции, но эта вторая молодость едва ли его удовлетворяла. Троцкий чувствовал себя очень усталым. В доме секретари и телохранители между собой называли его «старик», «The Old Man», хотя он был еще не очень стар. Гладстона так начали называть лишь на восьмом десятке лет жизни. О последней его автомобильной прогулке секретарь Гансен сообщает: «Старик спал гораздо больше обычного». Значит, засыпал в автомобиле всегда?

Со своими сотрудниками Троцкий, разумеется, вел беседы и на политические темы. «Я не увижу новой революции. Это дело вашего поколения», — сказал он Гансену «Теперь не то, что было. Мы стары. У нас нет энергии молодости. Становишься усталым, стареешь. Новая революция дело вашего поколения. Мы ее не увидим...» «Мы» здесь означало «я»: среди своих сверстников он, кажется, вообще сторонников и последователей не имел.

Собственно, он мог бы желать себе именно такого конца, какой выпал ему на долю. Уж если умирать, не дождавшись новой революции, то лучше от руки политического убийцы, чем от какой-нибудь желудочной болезни. Без русской революции 1917 года Троцкий с исторической точки зрения никто. Без новой мировой революции он, перейдя все же в историю, был бы обречен на постепенное, неизбежное изнашивание имени — то же самое произошло с теми из знаменитых деятелей французской революции, которые не погибли в 1793–4 годах.

Вероятно, в эти последние месяцы жизни он с тоской вспоминал о начале своей карьеры; не только с той тоской, с какой о временах молодости вспоминает всякий старик. Он и в самом деле был несчастен в Койоакане. Троцкий в личном смысле никак не может считаться неудачником: он добился славы, и биография его достаточно эффектна. Все же в ней неизбежно будет отсутствовать та глава, о которой больше всего мечтал этот умный, талантливый честолюбец: *на первое* место в истории революции ему так и не удалось выйти. Троцкий, разумеется, хотел быть «первым в Риме». Но, должно быть, немало думал о том времени, когда был первым в деревне, в своей меньшевистской или

полуменьшевистской деревне. «Русский Лассаль!»... Дальше его честолюбие тогда не шло.

С койоаканскими «приближенными» он был ласков, как Наполеон со своими на острове святой Елены; быть может, этим образцом полусознательно и руководился. Люди, по природе не картинные, имеют особую слабость к картинности. Ему до Мексики с «приближенными» очень не везло. Все они ему изменили, начиная от Радека, которого он когда-то осыпал похвалами и комплиментами, кончая Демьяном Бедным, которому он пожаловал орден с рескриптом: «Отважному кавалеристу слова». Причиной этого было много, но некоторую роль, верно, сыграли и его излюбленный «пафос дистанции», и наполеоновский тон. Как для всего, для применения «пафоса дистанции» нужно умение. У Троцкого, при отсутствии у него чувства смешного, при его неумении и нежелании считаться с людьми, пафос дистанции вызывал раздражение и враждебность. Я не уверен, знал ли Троцкий, что в партии его все всегда терпеть не могли. Как очень умный человек, как будто не мог не знать. Судя по его воспоминаниям, он не сомневался в нелюбви «верхов». Быть может, думал, что за верхами есть какие-то низы или середняки, его обожающие? Это была фантазия. Кроме Иоффе, его не любил никто. Единственный человек, который, по собственному заявлению, «боготворил» Троцкого, был его убийца.

По-видимому, жизнь все же кое-чему научила мексиканского изгнанника. Он признал необходимость новой тактики и нашел людей преданных. Я читал номера его журнала, вышедшие после его смерти. Как бы мы ни относились к троцкизму, верность сотрудников Троцкого его памяти доставляет некоторое моральное удовлетворение. Они, очевидно, служили ему и его идеям бескорыстно. В одной из нью-йоркских газет мне случайно попала следующая заметка: утверждено завещание недавно убитого Шелдона Гарта, бывшего секретаря Троцкого; он оставил 25 тысяч долларов своему отцу, Джессу Гарту, живущему на Пятой авеню, номер такой-то. Двадцать пять тысяч долларов, квартира на лучшей улице Нью-Йорка, значит, это был состоятельный человек? Несчастный Шелдон Гарт, конечно, не мог знать, что его похитят, замучат и похоронят под полом кухни. Но и ему, вероятно, было понятно, что должность секретаря или телохранителя при Троцком связана с некоторой личной опасностью (может быть, недаром он

и завещание составил двадцати пяти лет отроду). Эту неблагодарную службу не нуждающийся в деньгах человек мог принять только по идейным соображениям и из преданности вождю.

Людей в Койоакане при Троцком состояло немало. Им (уж во всяком случае телохранителям) надо было платить жалование. Надо было также содержать дом. Надо было, вероятно, поддерживать некоторых троцкистов и их издания. Все это требовало денег. Между тем денег становилось все меньше. Я сказал, что он жил помещиком, но это был разорившийся помещик. Употребляю слово «разорившийся» не в каком-либо символическом смысле, в том, что обанкротился «троцкизм» (этого я отнюдь не думаю), а в прямом смысле материального разорения. На краю банкротства находился не троцкизм, а Троцкий.

Вопрос о деньгах имеет значение для темы настоящей статьи, и я должен на нем остановиться. Троцкий был отличным журналистом не только по умению писать интересные, хлесткие статьи, но и по умению их продавать. Этим он был известен еще в дореволюционные времена, когда писал корреспонденции в богатой провинциальной газете «Киевская мысль». Он не продешевил себя и в пореволюционном изгнании. Издательства, газеты, журналы платили ему гораздо больше, чем другим знаменитым изгнанникам, русским, немецким, итальянским. Вероятно, из всех эмигрантов мира только Вильгельму II его воспоминания дали больше денег, чем Троцкому принесла автобиография. За одну из более поздних своих книг он получил в Соединенных Штатах 29000 долларов. Но именно эта книга не имела никакого успеха. С той поры газетная и издательская цена Троцкого быстро пошла на убыль. Он подпал под действие общего закона, касающегося политических эмигрантов: интерес к ним слабеет в геометрической прогрессии по мере того, как идет время их пребывания в вынужденной отставке. Кроме того, и события в Европе еще сильно убавили интереса к отставным людям. Наконец, из-за гитлеровщины отпали один за другим почти все европейские «рынки» для книг и статей Троцкого.

Отдаю ему и тут справедливость. Он никогда не был ни корыстолюбив, ни жаден, ни скуп. Троцкий не был и аскетом: любил жить с удобством, любил хорошо одеваться (в свое время в тюрьме он «выделялся элегантностью»). Но все это было без излишеств и без любви к деньгам как к деньгам. Между тем ему грозила,

по-видимому, финансовая катастрофа. Он ничего после себя не оставил, кроме дома, оцененного в 15–18 тысяч пезо, библиотеки и не очень дорогой мебели. Мне говорили, что для похорон его друзья устроили подписку, давшую 300 пезо. От 29 тысяч долларов больше ничего не оставалось. Деньги нужны были Троцкому и для себя, и для дела; вернее, он дела от себя не отделял: какой же троцкизм без него, Троцкого? Без денег нельзя было иметь дома-крепости и телохранителей, а без крепости и телохранителей не было ни малейших шансов уберечь жизнь. Таким образом, материальная катастрофа стала бы для Троцкого катастрофой смертельной в самом буквальном смысле слова. В последние месяцы жизни он продал Гарвардскому университету свой архив, которым, конечно, очень дорожил и с которым ему расставаться было нелегко; продал за три тысячи долларов — сумма не очень большая, если принять во внимание ценность товара, богатство покупателя и известность продавца.

О том, что издательская «цена» Троцкого очень понизилась, я слышал в литературном мире (разных стран), где такие вещи обычно становятся точно известными и где их выдумывают редко. Замечу, впрочем, что и в выходящем в Нью-Йорке официальном троцкистском журнале (ноябрь 1940 года) сообщается: «Издатели отказали ему в новом авансе (под книгу Троцкого о Сталине. — М. А.). Койоаканскому дому грозили лишения». Правда, объясняет это журнал тем, что Троцкий, занятый очередной полемической работой (против оппозиции в 4-м Интернационале), долго не выполнял своих обязательств в отношении издателей (и отказывался от хорошо оплачиваемой работы). Я все же не думаю, чтобы его последняя книга оказалась *best seller*'ом; он уже и так сказал то, что знал о Сталине. Во всяком случае, каждый понимает, что, например, авторам «*Gone with the Wind*» или «*For whom the Bell tolls*» ни один издатель ни в каких авансах не отказал бы, как долго они новую рукопись ни задерживали бы.

Добавлю, что в последние годы он стал хуже писать. В ранней молодости Троцкий писал плохо. Стиль его тогда в особенности отличался банальностью (чтобы не сказать сильнее). Затем из него выработался прекрасный журналист, почти со всеми достоинствами журналиста (кроме чистоты и правильности языка). Лучший его публицистический период: 1910–1930 годы. Позднее он стал слабеть, оставаясь еще отличным полемистом. Быть может, на нем

уже отразился возраст. Он был не очень стар, но в его жизни месяц можно считать за год.

Рассчитывать впредь на большие денежные поступления Троцкому не приходилось. Без денег существовать и работать было невозможно. Думаю, что в этом один из ключей к трагедии — разумеется, лишь один из нескольких. Здесь могут быть только догадки и предположения.

<...>

В моральном отношении Сталин и Троцкий стоили один другого; оба залиты кровью одинаково густо*. Но незачем отрицать, оба они люди идейные. Скажу больше: оба они в сущности стремились к одному и тому же: в общем масштабе — к мировой революции, в личном масштабе — каждый к посту вождя и диктатора мировой революции. Поэтому они стали друг другу конкурентами со дня смерти или тяжелой болезни Ленина, который обоих их устранил, будучи кандидатом первым, единственным и общепризнанным. Глухая, потом открытая борьба за место «Ильича» началась, вероятно, в тот самый день, когда его разбил удар. На первое место в русской революции могли в 1924 году выдвинуться только Сталин и Троцкий как наиболее выдающиеся или, вернее, единственные выдающиеся люди в партии. Борьба кончилась победой Сталина.

* В пору диктатуры Ленина, по-видимому, именно Троцкий толкал Советское правительство на самые жестокие и свирепые меры. На это есть нераскрытый намек в одной из речей Сталина (от 19 ноября 1924 года). Выступая против Троцкого, Сталин сказал: «Партия знает Ленина как прямолинейного революционера. Но она знает также, что Ленин был осторожен, обострителей не любил и нередко твердой рукой сдерживая чрезмерных террористов, в том числе и самого тов. Троцкого. Тов. Троцкий говорит об этом предмете в своей книге о Ленине. Но из его характеристики следует, будто Ленин при всяком подходящем случае провозглашал необходимость террора. Создается впечатление, будто Ленин был кровожаднейшим из всех кровожадных большевиков. Зачем понадобилось тов. Троцкому это ненужное и ни на чем не основанное сгущение красок?» Сталин, конечно, знал, зачем это «сгущение красок» понадобилось Троцкому. Правда, если в интересах Троцкого было взвалить главную ответственность за «крайности террора» на Ленина, то в интересах Сталина было перенести ее на Троцкого. Однако должно помнить, что в ту пору, в 1924 году, Сталин еще не был полным хозяином Советского государства, коммунистической партии и печати. Он не решился бы выступить с подобным утверждением, если бы не имел доказательств и свидетелей: ложное, голословное утверждение Троцкий тогда мог бы еще опровергнуть публично. Он подчеркнутых мною слов Сталина не опроверг.

С 1939 года открывалась возможность второго раунда: борьбы за первое место в революции общеевропейской. И опять-таки других кандидатов, кроме них двоих, не было: в составе коммунистических партий всех стран Европы нет людей, приближающихся по рангу, тем более по известности, к Сталину или Троцкому. В этом втором раунде шансы Сталина были, конечно, гораздо больше, потому что в его руках находятся гигантский государственный аппарат, армия и казна России. Но и у Троцкого были преимущества, которых Сталин не имел. Его красноречие, его знание иностранных языков, его лучшее знакомство с Европой, его «ореол» создавали некоторые шансы и для главы IV Интернационала. Ввиду вновь открывшихся в 1939 году перспектив имело смысл отделаться от такого конкурента. Фактических препятствий для этого было почти также мало, как преград моральных или идейных.

Должен с сожалением сказать, что некоторые прогнозы Троцкого отнюдь нельзя считать нелепыми и невозможными. Однако, при крайнем своем догматизме, он все облакал в самоуверенные формулы, упрощающие сложную истину и выдающие за правду — правдоподобную возможность. Допускаю, что и это сыграло некоторую, хотя бы маленькую, роль в его смерти. Нисколько не будучи начетчиком, Сталин все же прошел ту же школу, что Троцкий, и сам немного начетчикам верит. Между тем в партии старых колдунов начетничества больше не осталось: все они лежат в урнах кремлевской стены или в общей могиле казненных. Быть может, в Москве не без некоторого суеверия прислушивались к вещаниям последнего колдуна: хоть враг, а это дело смыслит. Троцкий догматически уверенно говорил о неизбежности победы троцкизма, клялся всеми святыми (ведь святые были общие), что троцкизм восторжествует на будущей неделе. Что если Троцкий сам напугал Сталина? Что если в Москве поверили — и сделали свои выводы: не лучше ли раз навсегда от него освободиться?

Все остальное было делом техники и техников.

